

Иван ГОБЗЕВ

Иван Гобзев родился в 1978 году. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук. Работает в должности доцента в НИУ «Высшая школа экономики». Печатался в журналах «Нева», «Новая Юность», «Зинзивер», «Дружба народов» и др. Автор четырех книг прозы. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Ложиться надо сейчас» (2020, № 5-6).

МОЯ ДЕМОНКА

Рассказ

На самом деле ничего не изменилось. Теперь я это понял. Подозреваю, что в принципе так устроено мироздание на самом фундаментальном уровне.

Раньше я много возмущался, протестовал, писал везде о том, что это неправильно. Что вся социальная система устроена несправедливо, что нас эксплуатируют и используют как рабов на галере.

Фактически получалось так, что работали мы иногда и по шестнадцать часов в день, просто часть работы выполняли дома. По сути дела высшее руководство нас насиловало, как и в годы расцвета капитализма, но так тонко и завуалированно, что мы вроде ещё и благодарны были за это.

Теперь я понял, что, видимо, заблуждался, и общество так устроено потому, что так устроен мир, вся вселенная. Это закон природы.

Но, конечно, есть детали. Если ты предприимчив и не такой ленивый дурак, как я, то ты очень и очень даже можешь преуспевать в...

– Ну? Чего надо?

Я уже довольно долго мялся у двери, изредка робко постукивая. Но вот эта проржавевшая и исцарапанная дверь отворилась, и вышла она. Они здесь все очень высокие, минимум на голову выше меня, при том что и сам я не маленький. К их внешности я пока не привык. Во-первых, она совершенно голая. Кожа тёмно-серая, с сальным отливом, местами щетинистая, мощный хвост, крутится как будто сам по себе, и спиральные рога. И копыта. В целом даже красивая, если отбросить культурные условности.

Смотрит на меня нетерпеливо.

– Лопата для угля сломалась. Мне сказали к демонку пойти...

– О, боже, дурак! – закатила она глаза. – Во-первых, я не демон, а демонка. Во-вторых, я похожа на человека, который выдаёт лопаты?

– Ну... Честно говоря, вы вообще на человека не похожи.

– Дерзишь? Проваливай, пока жив! – и она развернулась, чтобы уйти. Я не удержался:

– Кстати, демонесса звучит лучше. И я уже мёртв.

В то же мгновение я получил хвостом по губам, больно, но не очень сильно, могло быть и хуже.

И захлопнула дверь. Захлопнула, и тут же за ней раздалось: «Ааааа!!! Не надо, не надо, пожалуйста! Ааааа!» Страшные, леденящие, как говорят в таких случаях, кровь крики. Но я привык.

Я в аду.

Если бы я знал при жизни, что окажусь тут, то очень ценил бы мои условия работы. Это на самом деле был рай на Земле. Но так всегда бывает – что имеем не храним, потерявши плачем.

Здесь рабочий день не кончается никогда. И перерывов тоже нет. Здесь так: либо ты работаешь, либо ты тот, кто в котле. Я выбрал первое, но не уверен, что меня хватит надолго.

Почти все новички выбирают работу, потому что никто не хочет заживо вариться в кипятке, идти под разделочный нож или на растерзание чудовищам. Иногда, но редко, попадаются принципиальные, кто сразу заявляет: «Работать на вас я не буду!» и сам даже лезет на костёр, без помощи чертей. Чаще так поступают те, кто при жизни как раз ничего не имел против работы и отдавался ей на все сто. А тут вдруг, смеются демоны, начинается это кокетство. Хотя я на самом деле понимаю – это принципы. У меня их нет, но не потому что я плохой человек, а потому что так учил Будда.

Однажды меня поставили кидать уголь под котёл с новичками.

Стою, кидаю лопаты одну за другой, стараюсь не расслабляться, потом что знаю уже – сразу по спине получу. Жар адский, всё багровое, языки пламени пляшут на небе. Душно, сердце бешено колотится, всё время кажется, что сейчас в обморок упадёшь, но на самом деле не упадёшь, хотя и хотел бы. Вспоминаешь со сладкой печалью, как сидел в офисе с девяти до пяти, потом в метро, зажатый другими такими же, открывая и закрывая одни и те же приложения в телефоне, а потом дома за ноутбуком ещё до двух ночи, и понимаешь: вот где рай-то был! Но здесь лучше не думать. Вообще. Так легче. Просто кидай лопату за лопатой в ослепительное горнило, превратись в механизм, сосредоточься полностью на деле и ничего не впускай себе в голову. Хотя и трудно это, требует большой практики. Самое сложное – принять, что надежды нет. То есть это навечно и варианта только два: либо ты с лопатой, либо ты в котле.

– Вань! Вань?! – слышу вдруг голос сверху.

Поднимаю глаза, смотрю, над котлом голова приподнимается.

– Боже, Виктор Петрович?! Вы?

Виктор Петрович мой последний начальник. Большой человек, очень уважаемый в нашей компании был.

– Да, Вань я, привет...

– Как вы тут оказались? – спросил я и сразу понял, что вопрос-то дурацкий.

– Да как все, Вань, как все... Слушай, можешь мне помочь? А то я уже не могу...
Пять минут, а вся кожа облезла, глаз лопнул и волосы выпали...

Да, вид у него в самом деле был неприятный! Только по голосу и узнал.

– Виктор Петрович, – говорю, – ну есть другие варианты... Например, растерзание монстрами, сожжение заживо... Но везде своя специфика!

– Нет-нет, Вань, я не про это... Я вообще боль терпеть не могу, я уже всё, на грани, а это, говорят, теперь навсегда!

– Ну так мы в аду, – смеюсь, – тут как бы всё ради боли, чего вы хотели!

– Вот как ты заговорил! Раньше всё сюсюкал: ах Виктор Петрович, ах Виктор Петрович! А теперь вот как?

Я смутился:

– Виктор Петрович, так может вам работу тогда выбрать?

– Да что ты говоришь, Иван! Я в жизни ничего тяжелее ручки не держал!
Поздновато переучиваться!

Но тут один из чертей длинным шестом погрузил Виктора Петровича под воду, а другой врезал мне так, что я полетел прямо в печь.

Пошёл просить о переводе. После того как сгорел вместе с лопатой, решил немного отдохнуть, полежать в котле. Пошёл туда, куда черти отправили. Подхожу, смотрю, а место знакомое. Вообще тут все места похожи, но я узнал по ржавой багровой двери в

царапинах. Постучал робко. Потом опять. Тишина. Приоткрываю дверь, заглядываю, с непривычки не видно ничего, только чёрная бездна.

– Можно?

– Подожди! – слышу в ответ. – Занята.

Через пять минут выходит демонка эта, руки по локоть в крови, капает на землю.

– Чего тебе? – смотрит нетерпеливо.

– Я это... Не хочу больше лопатой махать... Хочу в котёл.

– Мест нет.

– Как это – нет?

– А вот так, нет.

– Да не может такого быть...

– Я сказала – нет.

– А как вас зовут?

Она посмотрела удивлённо, взмахнула хвостом, но передумала бить, и в воздухе вдруг возникла лопата.

– На, держи, и чтобы я больше тебя не видела. А то сам не рад будешь.

У меня появились коллеги. Меня перевели в другое место. Если раньше я обслуживал небольшие котлы, то теперь меня поставили к большому, вместе с другими кочегарами. В котле было много свободного места, туда поместилось бы ещё столько же, и мне было обидно, что меня не взяли. А вроде говорили, что у каждого из нас «есть выбор»!

Нас тут было полно, а чертей мало, поэтому я старался поменьше напрягаться, чтобы не потерять опять лопату. Я слышал, что с теми, кто портит местное имущество трижды, поступают особенно жестоко, так, что их потом уже никто и не видит никогда, разве что по частям.

И вот поэтому я стоял, помахивал не спеша полупустой лопатой и косился на силуэт чёрта на фоне полыхающего неба. А иногда и вообще останавливался передохнуть.

Как-то раз присел я так на кучу угля, пока надсмотрщики далеко были. И вдруг слышу:

– Эй? Чего расселся?

Я вздрогнул, вскочил, стал как бешеный лопатой махать, а потом вижу: это такой же, как я, грешник-работяга.

– Ну ты и напугал, – говорю.

– И правильно! Ты чего отдыхаешь? Работать нужно!

– Кому нужно? – не понял я.

– А! – криво усмехнулся он. – Умник, значит. Мы все тут горбатимся за своё место, а ты не такой! Ну-ну!

И стоит, красный весь от жара, лицо мокрое, ручьями льёт, еле дышит уже, но кидает в горнило одну за другой, да все полные лопаты и только лучшего угля – покрупнее, а не пыль какую-нибудь. Видно, разозлил я его, не может успокоиться:

– Труд из обезьяны сделал человека, слышал такое? А ты, значит, вот так...

– Ты и сам лучше отдохни, – говорю, – смотри, тебя удар сейчас хватит.

Он покачал головой, криво усмехнулся и обозвал меня очень грубым словом. А спустя минуту за грудь схватился и упал замертво.

Пригласили в профсоюз работников лопаты. Они выступают за нормированный рабочий день и перерывы. Я согласился написать манифест, хотя и не верил, что из этой затеи что-нибудь выйдет. Дело в том, что здесь собственно нет различия между днём и ночью, и часов тоже нет. Во-вторых, ты либо с лопатой, либо в котле. Ну, как вариант четвертование, погребение заживо и прочие ужасы – но это уж для совсем отпетых негодяев.

Я уже слышал тут историю про забастовку кипящих в котле – они требовали снизить температуру воды. Демоны посмеялись и заменили воду на кипящее масло.

Но всё же я решил написать. Взял и начертил на раскалённом песке наши требования. Что требуем двухчасовой рабочий день, что бы это ни значило, иначе просто перестанем делать свою работу, и все котлы остынут, и грешники повылезают наружу, и начнётся такой хаос, что ад превратится в рай. И добавил в конце, что мы ничего не боимся, пускай делают с нами всё что угодно, но с завтрашнего дня объявляется всеобщая забастовка.

После этого меня пригласили на беседу. Там было несколько демонов, в том числе эта демонка. Она сидела, закинув ногу на ногу, шевелила хвостом и чему-то улыбалась. Другие были мужчины, и все ужасно серьёзные. С бородами, козлиными ушами, и очень страшные.

– Садись, – кивнул мне один из них на стул.

Я посмотрел на то, куда он сеть предложил.

– Спасибо, – отвечаю, – я постою.

– Ладно. Ты кем был при жизни? Преподавателем же?

– Да.

– Ясно. Значит, торговал знаниями... С утра до вечера продавал истину за деньги? Выходит, сутенёром зарабатывал?

– Вот тут не соглашусь! – уверенно сказал я.

Они переглянулись весело. Демонка эта глазами стрельнула так, что у меня усы оплавившись.

– Ну не согласись! – говорят.

– Более корректно, – объясняю, – мою профессию называть стриптизом. Преподаватель обнажает перед слушателями истину. И чем лучше обнажает, тем больше получает.

– И поскольку часов в день обнажал?

– Ну по-разному бывало... Бывало не очень много, а бывало и по сорок с лишним часов в неделю... И с переменным успехом, сами понимаете, когда столько обнажаешь, качество страдает...

– Откуда же столько истины взялось, чтобы её обнажать? – удивился один из них. – Да и не засаливается ли она от такого обращения?

– Что есть, то есть. – кивнул я. – Но это уже не ко мне, это к Министерству науки и высшего образования. Они диктуют правила, сколько преподаватель должен обнажать. По чести, и вполтину этого было бы уже много! Но таковы правила.

– Теперь я поняла, за что так у нас с работниками этого министерства, – ухмыльнулась демонка, разглядывая когти. Когти были отполированы и покрашены красным. Мне казалось, что она специально демонстрирует их мне.

– Очень красивые когти, – говорю, – мне нравятся!

Демоны переглянулись с непониманием. А она широко улыбнулась, так что я впервые увидел её клыки. Белые, ухоженные, без остатков мяса, как у других. И пяточок у неё в общем даже весьма привлекательный.

Теперь я сам стою с плёткой на вершине холма, пока грешники внизу работают. Рога стали потихоньку пробиваться, на плечах и бёдрах появилась мелкая щетина. Хвост ещё не растёт, но ступни как будто становятся меньше, должно быть, сворачиваясь в копыто.

Я мог бы и раньше догадаться, что надсмотрщики, черти низшей категории – это бывшие грешники.

Мои недавние коллеги по профсоюзу проклинаят меня, глядя снизу вверх, и говорят, что я сволочь. Я стараюсь не бить их в ответ, хотя иногда приходится, добрым

тут быть нельзя, разжалуют обратно грешники. А я как подумаю о лопате, так меня в дрожь бросает!

Теперь-то получше, конечно, стою себе, смотрю свысока на полыхающий мир, любуюсь картинами адских мук от горизонта до горизонта. Но скучно бывает. Чем, думаешь, заняться? Делать-то нечего... И так, от безделья, иной раз и хлестанёшь какого-нибудь бедолагу с лопатой.

– Ты ещё пожалеешь! – говорят они мне. – В рай-то тебе теперь точно не попасть!

Это есть такая местная легенда, что кто долго терпит муки в аду, рано или поздно попадёт в рай. Я так не думаю, потому что ну как могут рассчитывать на рай те, кто поддерживает огонь под другими такими же?

И вот как-то стою я такой весь багряный и в языках пламени, щупаю свежие рога, слушаю, как стонут из-под земли бывшие чиновники Министерства науки и высшего образования, и вдруг слышу:

– Вань! Вань? Ты же?

Смотрю, внизу с лопатой у горнила стоит в ожогах весь Виктор Петрович.

– Здравствуйте, Виктор Петрович, – отвечаю, – да, я.

– Тебя не узнать! – говорит.

И робко так говорит, весь начальственный налёт пропал.

– А что это вы не в котле? – удивляюсь. – Помню, не хотели же...

– Так это когда было! – жалко улыбается он беззубым ртом. – Слушай, Вань, подсоби, а? Не могу я уже с этой лопатой... Хочу в котёл обратно, а говорят, там мест нет...

Я рассмеялся, но тут же спохватился.

– Виктор Петрович, да ведь кто я такой? Я же сам грешник недавний, а теперь бес самой низшей категории. Кто меня послушает?

– А можно мне как-нибудь тоже в бесы?

– Что за базар?! – это другой чёрт к нам подошёл, заметив, что Виктор Петрович не работает. – Что такое? Что происходит в рабочее время?!

И давай хлестать его плёткой. Бьёт и бьёт, а Виктор Петрович упал уж на четвереньки, ползёт к горнилу и кричит, сам не свой от боли. Я тут не сдержался, прыгнул в яму, лопату Виктора Петровича схватил и об голову черту обломил.

Меня ведут на казнь. Не знаю, что будет со мной, ясно – что-то страшное. Говорят, за третью сломанную лопату отправляют навечно под землю. А тут ещё и нападение при исполнении служебных обязанностей...

Подводят меня и стучат. Стучат в дверь, и вижу я, что дверь-то очень знакомая, та самая, в красных разводах, царапинах и ржавчине. В самом деле, открывает демонка моя. Смотрит с улыбкой, только я не понимаю, что значит эта улыбка.

– Ах ты, дерзкий! – говорит и локтем лицо утирает, а в руке молоток с прилипшими волосами. – Так и думала, что увидимся ещё. Ну, заходи!

Толкнули меня внутрь во тьму и дверь захлопнули.

Стало мне очень не по себе, испугался я так, как никогда не пугался, особенно как заметил посреди помещения железное ложе.

– Ложись! – говорит она, стоя за спиной.

Я, весь дрожа и трясясь, ногу на ложе закинул, да от слабости промахнулся, и только с третьего раза, под её смех, сумел залезть. Лёг, глаза закрыл и жду, слушаю её дыхание.

Теперь я её заместитель. По связям с общественностью. Поскольку никакой общественности тут нет, как и связей, это означает, что делать мне нечего. Я совершенно свободен и могу наконец всецело предаться тому, чем и должен заниматься человек – созерцанием и самосовершенствованием. Правда, я больше не человек, и Виктор

Петрович, например, в очередную встречу меня уже не узнал – с моим новым пятакон, щетинистым горбом, клыками, ослиными ушами и бараньими рогами. Ну и с копытами, что, кстати, намного удобнее ступней – можно очень быстро бегать и ловко скакать. Может, ещё и крылья вырастут, и тогда я смогу здесь летать. Моя демонка говорит, что это вполне возможно, потому что у меня очень хорошие задатки. В общем, и в аду есть свои плюсы, и очень даже может понравиться, просто весь вопрос в том, кто ты – грешник внизу или демон наверху.

Кстати, Виктору Петровичу я помог – он теперь снова в котле.